

шолтда

Йен Прайд

РУССКАЯ ГОЛОВОЛОМКА (Дефолт августа 1998 года)

Однажды, комментируя ситуацию на американском фондовом рынке (появление нового мыльного пузыря), глава Федеральной Резервной Системы США Алан Гриспэн использовал для описания настроений инвесторов выражение «не поддающийся рациональному объяснению энтузиазм». Пожалуй, этот оборот прекрасно характеризует и сформировавшиеся после распада СССР представления многих российских и западных аналитиков и исследователей о будущем России, о выборе ею пути развития, о ее грядущем процветании. При этом тех, кто по своим экономическим и политическим воззрениям принадлежит к противоположному лагерю, отличает столь же необъяснимый с рациональной точки зрения пессимизм, основывающийся не на глубоком анализе, а на поверхностных заключениях.

В то же время причины многих важнейших событий новейшей истории России до сих пор не стали объектами непредвзятого и всестороннего анализа. Это в полной мере относится и к финансовому кризису 1998 года.

В статье предпринята попытка показать, как вслед за экономическими и политическими изменениями в стране меняется и оценка экспертами того, что произошло в России в августе 1998 г. Вопреки мнению многих русских и западных специалистов мы не считаем, что августовский дефолт был вызван только лишь просчетами в финансовой и экономической политике российских властей. Для того чтобы опровергнуть распространенный миф об уникальности российского случая, мы предлагаем сравнительное исследование подобных случаев объявления правительством дефолта в других, в том числе и развитых странах.

В данной связи имеет смысл обратиться к краткому обзору эволюции представлений о России на Западе. Распад Советского Союза и крах коммунизма заставил многих западных и российских обозревателей поверить в то, что Россия будет стремительно развиваться и быстро станет процветающей демократической страной с рыночной экономикой. Считалось, что россияне незамедлительно примут западные ценности и страна с легкостью пройдет через переходный период – «демократический транзит».

После дефолта эйфория прошла, оптимисты молчали, казалось, оправдываются предостережения тех, кто в начале 1990-х скептически оценивал шансы России построить рыночную экономику. Дефолт объяснялся следующим образом: инвесторы-нерезиденты, вложив-

шие деньги, чтобы помочь России справиться с выплатой государственного долга и при этом неплохо заработать, начали более трезво оценивать состояние экономики и политическую обстановку в стране, в результате чего потеряли веру в способность российского правительства разрешить налоговый кризис и поспешили уйти с рынка. Последовавший крах не просто доказал, что реформы в России закончились провалом, он привел и к всплеску ностальгических настроений, на волне которых в 2000 году был избран новый Президент, в большей степени ассоциирующийся в представлении людей с советским прошлым, чем с новой Россией. Миллиарды долларов предоставленной Западом помощи оказались выброшены на ветер. Осознание Западом провала реформ повлекло за собой пересмотр политики западных государств в отношении России. Так, во внешней политике администрации президента США Джорджа Буша России уделялось (особенно до 11 сентября 2001 г.) куда меньше внимания, чем раньше.

Конечно, многое в России 1990-х гг. давало основание для того, чтобы признать правоту российских и зарубежных критиков реформ: трудности последних лет президентства Ельцина; неудавшаяся попытка создать процветающую демократию, правовое государство и рыночные институты; экономический крах и наблюдавшееся практически на протяжении всех 90-х падение производства, формирование грабительского капитализма; коррупция; заказные убийства и разгул криминала; расцвет организованной преступности; снижение средней продолжительности жизни и рост уровня смертности; две чеченские войны и факт продажи оружия государствам-«изгоям»¹.

Но в 2004 году критики реформ поутихли, а оптимистов прибавилось: в качестве причины этого, как правило, стабильность последних четырех лет развития России под руководством нового президента и невиданные для России (да и для СССР) темпы экономического роста. Конечно, пессимисты, ссылаясь на то, что экономический рост лишь следствие роста цен на энергоносители, продолжают говорить, что основные проблемы по-прежнему не разрешены. Как и раньше, они не хотят замечать прогресс в развитии страны и не принимают достижения последних лет. Результаты думских и президентских выборов, с их точки зрения – лишнее подтверждение негативных, авторитарных тенденций. Хотя в 90-е годы те же самые эксперты с ужасом писали о том, к чему может привести анархия в России.

Политические и экономические процессы в России гораздо сложнее, чем их часто воспринимают. Уже сотни лет Россия является страной резких контрастов и останется таковой в ближайшем будущем. В 1990-х гг. у России не было возможности реализовать надежды оптимистов. Однако те, кто полностью «списывает страну со счета», как это сделали многие российские и западные аналитики после дефолта, не просто игнорируют достигнутый Россией прогресс (даже до августа 1998-го), они не предлагают альтернативных вариантов реше-

¹ Сравните, например: Stefan Hedlund, *Russia's «Market» Economy: A Bad Case of Predatory Capitalism*, London: UCL Press, 1999; *Russia's Road to Corruption: How the Clinton Administration Exported Government Instead of Free Enterprise and Failed the Russian People*, The Speaker's Advisory Group on Russia, September 2000 at <http://policy.house.gov/russia/intro.html>.

ния стоящих перед страной проблем и проблем в области международных отношений и безопасности.

Исторический опыт показывает, что политические и экономические процессы развиваются не линейно, а зигзагообразно и циклично. Тем не менее, многие аналитические выводы и прогнозы в отношении России основаны на прямолинейной логике: например, некоторые исследователи высказывали предположение о том, что российское государство так и не сможет преодолеть свою внутреннюю слабость².

Россия все еще чувствует и еще многие десятилетия будет ощущать на себе тяжелый груз своего беспокойного, смутного прошлого. Ее менталитет, внешне похожий на западный, во многих отношениях значительно отличается. Такие западные понятия, как экономическая рациональность и реализация собственных интересов, либо вовсе отсутствуют в жизни россиян, либо существуют в несколько иной форме. Многие российские граждане не хотят жить в обществе западного типа, особенно в его американском варианте; именно по этой причине значительная часть западных инвестиций в Россию обречена на провал.

Сегодня в мире существует большое количество литературы по «транзитам». Среди исследователей продолжаются горячие споры по поводу столь противоречивых и сложных процессов в таких разных регионах, как Центральная и Восточная Европа, Россия, другие бывшие республики бывшего Советского Союза и Китай³. Необходимо отметить, что совершенно недопустимо, сравнивая результаты транзита в России и в наиболее успешных странах с переходной экономикой – Польше, Венгрии и Чешской Республикой, упускать из виду тот факт, что эти страны веками находились в рамках западной культурной орбиты или возле нее, и что их история и менталитет радикальным образом отличаются от российских. Уже в 1980-е годы эти страны были относительно богаче Советского Союза, а их экономика в значительно большей степени ориентировалась на рынок. Следовательно, в тот момент, когда эти страны вступили на тернистый путь реформ, они уже на голову опережали Россию.

Казалось бы, очевидно, что, размышляя о трудностях, с которыми сегодня сталкивается Россия, необходимо сопоставить их с глубоким системным кризисом, в котором находился СССР в 1980-е годы. Удивительно, что во многих исследованиях этот кризис вообще не упоминается, не рассматривается предыстория перестройки, вследствие чего проблемы 90-х интерпретируются как результат ошибочной экономической политики, проводившейся при Ельцине. К таким работам, например, относится книга «Глобализация» нобелевского лауреата по экономике Джозефа Стиглица.

Запад часто оценивает то, что происходит в России исходя из нереалистичных, почти мифических стандартов. Часто забывают, что речь все-таки идет о стране, которая появилась лишь десять лет назад

² См.: Lieven. *Chechnya*. – P. viii; Sam Nunn and Adam Stulberg. *Weakening Central Rule. Foreign Affairs. March/April 2000*.

³ См., например: Marie Lavigne. *The Economics of Transition: From Socialist Economy to Market Economy*. – London: Palgrave, 1999. – 2nd edition.

на руинах самой длительной и, возможно, самой страшной диктатуры двадцатого века. Неправильное восприятие России Западом является вредным и опасным и ведет к распространению мифов и стереотипов, которые также оказывали и продолжают оказывать негативное влияние на попытки реформирования страны.

Построение демократии и обеспечение устойчивого экономического роста – тяжелый и длительный процесс. Опыт современных промышленно развитых государств также показывает, что реализация комплексных реформ при наличии организованных корпоративных интересов и мощной бюрократии проходит нелегко в любой политической системе, вне зависимости от уровня ее политического и экономического развития. Россия не единственная страна, где реформы потерпели неудачу, тем не менее, в средствах массовой информации Россию представляют как уникальный случай – единственную страну не оправдавшихся ожиданий.

Необходимо также иметь в виду, что на девальвацию национальной валюты и дефолт России в августе 1998 г. беспрецедентное влияние оказали внешние события. Экономический крах в России был лишь одним из эпизодов всемирного финансового кризиса, начавшегося летом 1997 года с падения тайского бата и закончившегося девальвацией бразильского реала в январе 1999 года. Многие западные доклады, где анализируется неудавшаяся попытка проведения реформ в России, не уделяют должного внимания тому, что российская девальвация проходила в контексте экономического и финансового кризиса, охватившего весь мир. Вместо этого многие аналитики и средства массовой информации несправедливо критикуют правительство Кириенко, возлагая на премьер-министра всю полноту ответственности за девальвацию рубля и в значительной степени не обращая внимания на роль внешних факторов.

Российские политики и политические институты страны воспринимаются на Западе вовсе не такими, какие они есть на самом деле. И когда реформаторов обвиняли в слабости и некомпетентности, подобное искажение правды ослабило позиции тех (включая наиболее прогрессивные элементы в Думе), кто наилучшим образом мог осуществить столь необходимые России реформы.

Через тринадцать лет после распада Советского Союза между Западом и Россией все еще пролегает бездна взаимного непонимания. Одним из самых значительных препятствий для анализа происходящего в России остается неумение многих экспертов и СМИ отделять факты от вымысла.

В 1980-х гг. Советский Союз переживал системный кризис⁴. При экономической слабости СССР, такие внешние факторы, как ситуация в Восточной Европе и Афганистане, Стратегическая Оборонная Инициатива и предложенный НАТО «нулевой вариант» в области

⁴ Klaus Segbers. *Der sowjetische Systemwandel.* – Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 1989. Данная работа, написанная в конце 1980-х гг., представляет собой прекрасный анализ западным автором системного кризиса Советского Союза.

**Россия и Запад
в 90-е годы**

разоружения, оказывали на политическую систему страны сильнейшее давление. Национализм, в латентной форме существовавший на территории всех пятнадцати республик Союза, вновь всплыл на поверхность, создав угрозу раскола государства изнутри. Жестокие столкновения 1986 года в Алма-Ате – столице Казахской ССР, и трагический конфликт между Азербайджаном и Арменией в 1987 и 1988 годах – лишь два события, унесшие жизни сотен человек.

Начиная с середины 1950-х гг. в Советском Союзе замедлялись темпы экономического роста. Объем производства, вероятно, начал падать в конце 1980-х. Где-то с 1970 года, в силу того, что здоровье Брежнева ухудшилось и образовался политический вакуум, региональным элитам стало все труднее получать из Москвы ясные руководства к действию по решению местных проблем. За смертью Брежнева в 1982 году последовало «междоусобице» Андропова/Черненко, продлившееся до марта 1985 года.

Предшествующий политический вакуум, вместе с другими структурными проблемами, привел к тому, что реформы Горбачева под лозунгами *новое мышление, перестройка, гласность и ускорение*, не смогли дать толчок развитию экономики. Распад Советского Союза решил ряд проблем, но создал другие, еще более сложные, – в частности, всеобщий экономический хаос. Кроме того, если население государств Центральной и Восточной Европы в своем большинстве с энтузиазмом восприняло освобождение от навязанного извне и непопулярного режима, и могло вернуться к своим национальным демократическим и экономическим традициям, о которых многие граждане еще не забыли, то российское общество оказалось глубоко расколотым на сторонников перемен и приверженцев старой системы. Огромное преимущество бывших стран Восточного лагеря заключалось в том, что там, в отличие от РФ, существовал определенный консенсус по поводу направления и пути развития страны.

Таким образом, четверть века – с начала 1960-х гг. по 1985 г. – стали паузой в развитии страны. Некоторые политологи полагают, что следующие шесть лет были также потрачены впустую из-за отсутствия у Горбачева стратегического видения и его неспособности преодолеть инертность Политбюро. Горбачев и Ельцин посвящали большую часть времени решению требующих безотлагательного вмешательства повседневных проблем, а не долгосрочному планированию. Ни Горбачев, ни Ельцин не обладали стратегическим мышлением, а для того, чтобы разрешить системный кризис, был нужен лидер, способный работать на перспективу.

Часть западных работ, посвященных России 1990-х гг., основывалась на представлениях классических либералов, веривших в неизбежность прогресса. Сегодня стало ясно, что на Западе нет готовых рецептов, способных обеспечить развитие экономики и построение демократии. Вообще в истории лишь некоторым странам удавалось поддерживать высокие темпы экономического роста на протяжении

нескольких десятилетий подряд. В 1992 году Лестер Туроу писал, что движение к капитализму «...трудно начать. Неудачи стран Третьего мира значительно больше, чем достижения стран Первого мира. Для Второго мира, т. е. бывших коммунистических стран, очень трудно даже начать движение к капитализму»⁵. Проницательность Туроу подтвердилась внезапной остановкой экономического роста в странах Юго-Восточной Азии в 1997 г. и вызвавшим серьезное беспокойство замедлением роста в Соединенных Штатах в 2000–2001 гг. Туроу также отмечал, что стать богатым непросто: список из двадцати самых богатых стран мира в 1870 г. и 118 лет спустя, в 1988 году, включал те же самые страны Европы и Северной Америки. Единственной страной, попавшей в список только в XX веке, является Япония. Настораживает тот факт, что, каких бы успехов не достигли другие страны с переходной экономикой, экономическое развитие всегда может легко натолкнуться на непредвиденные трудности, которые могут откинуть страну на годы и даже десятилетия назад. Это относится и к странам «Семерки».

Россия – не единственная страна, власти которой можно обвинить в некомпетентности или неспособности преодолевать трудности на пути реформ. На примере развитых стран также видно, насколько тяжело проводить сложные реформы при наличии хорошо организованного корпоративного интереса и бюрократизма, даже если население поддерживает проводимый курс. Государства «Семерки» периодически сталкиваются с серьезными проблемами, для решения которых требуются годы или десятилетия. С начала 1990-х гг. Япония потратила более 1 трлн долларов для осуществления десяти финансовых «вливаний» в экономику, безуспешно пытаясь стимулировать экономический рост. Большая часть этих денег была потрачена на реализацию проектов по проведению общественно значимых работ, однако эти инвестиции не принесли ожидаемых результатов. Наблюдатели одобрили соответствующее изменение политического курса в начале 1990-х, но Япония не смогла провести глубокие реформы из-за кризиса политической системы. Даже сейчас, в 2004 г. японское правительство по-прежнему не готово пойти на такие решительные действия, как списание большого количества неприбыльных банковских ссуд. Они были выданы еще в начале 1990-х гг., а после того, как лопнул мыльный пузырь банковских активов, перешли в категорию безнадежных долгов⁶.

Еще более показательным опытом Германии после воссоединения. К моменту объединения двух Германий восточные немцы уже долгое время жили в условиях диктатуры – с 1933 года – период, сравнимый с тем, что было в Советском Союзе. По некоторым оценкам, Германия вложила около 1–1,5 млрд долларов в новые федеральные земли бывшей ГДР. Несмотря на то, что сегодня Восточная Германия обладает лучшей инфраструктурой в Европе, уровень безработицы все еще высок, экономика все еще находится в стагнации, а из-за миграции в За-

⁵ Lester Thurow. *Head to Head. The Coming Economic Battle Among Japan, Europe, and America.* – N. Y.: Morrow, 1992. – P. 17.

⁶ См.: William W. Grimes: *Unmaking the Japanese Miracle: Macroeconomic Politics 1985–2000. With a New Preface.* Cornell University Press, Ithaca and London, 2001.

падную Германию численность населения в регионе падает. Примеры Японии и Восточной Германии помогают увидеть, как трудно дается развитие экономики. Независимо от того, на каком уровне экономического развития находится страна, выделение на решение проблемы даже фантастических денежных средств не обязательно приведет к решению этой проблемы.

Те, кто критикует российские реформы, забывают и о многочисленных внутренних проблемах в Америке. Как отметил один канадский ученый, занимающийся Японией, «...американский образец развития экономики, как бы хорошо он ни реализовывался на практике в некоторых отраслях, в целом оставляет желать лучшего, ведь функционирование этой системы приводит к политическому параличу. Средний уровень здравоохранения и образования довольно низкий, жизнь бедной части городского населения в США не на много лучше, чем в странах Третьего мира, признаки кризиса проявляются и в других областях – начиная с ухода подростков из средней школы и заканчивая ошеломляющим экономическим неравенством»⁷.

Если продолжить этот список, в него следовало бы включить и «забавный» эпизод – калифорнийский энергетический кризис, произошедший в штате, который является одним из крупнейших производителей нефтепродуктов. Как мы видим, быстро построить совершенную экономическую и социальную систему не под силу даже самой богатой стране в мире. А Россию, которая лишь десять лет назад вырвалась из тисков страшной диктатуры, критикуют за то, что ей этого сделать пока не удалось. Критика, обрушившаяся на Россию, не учитывала и всеобщее разочарование в политике и политиках на всем пространстве промышленно развитого мира, что выражается в низкой избирательной активности во многих государствах и в снижении интереса граждан к политике. В 1990-х гг. в Соединенных Штатах, Японии, Великобритании, Франции, Италии и Германии прогремели коррупционные скандалы, в которых были замешаны высокопоставленные политики, даже на уровне глав государств и правительств.

В январе 1994 года, не соглашаясь в своих работах с тем, что эйфория на Западе в отношении России прошла, я предупреждал, что «...нельзя ожидать, что Кыргызстан или другие республики бывшего Советского Союза [включая Россию] смогут выполнить нереалистичные западные требования и мягко и быстро осуществить переход к развитой демократии. Часто забывают, что на Западе данный процесс растянулся на века и сопровождался вспышками насилия и социальными потрясениями»⁸.

Понять Россию и ее трудности нам – западным аналитикам и специалистам по новейшей истории – помогло бы реалистичное чувство перспективы и отношение к политике как к «искусству возможно-го». К сожалению, разрыв между российскими реалиями и их восприятием на Западе всегда мешал пониманию этой страны. Финансовый

⁷ Charles J. McMillan: *The Japanese Industrial System*. De Gruyter: Berlin, 3rd revised edition, 1996. – P. ix.

⁸ Ian Pryde. *Kyrgyzstan: The Trials of Independence // The Journal of Democracy*. January 1994. Vol. 5. No. 1. – P. 119.

коллапс в августе 1998 года и оценка работы правительства Кириенко служат тому прекрасный примером.

Крах 1998 года

Будучи главой исследовательского отдела инвестиционного банка, работающего в Каспийском регионе, и наблюдая за азиатским кризисом из Баку, я со своими коллегами буквально физически ощущал, как быстро этот кризис охватывает страну за страной. Девальвация тайского бата в июле 1997 г. стала сигналом к началу кризиса, который потом распространился на Индонезию, Малайзию, Филиппины и Вьетнам. Однако, проблемы в экономике Южной Кореи начались еще раньше – в 1996 г., а к 1997 г. ситуация ухудшилась. После того, как 3 декабря 1997 г. МВФ объявил о выделении антикризисного транша на сумму более 40 млрд долларов, произошел обвал корейской воны, резко возросла неустойчивость местной фондовой биржи. По такому же сценарию восемь месяцев спустя развивались события в России⁹.

⁹ Lawrence R. Klein. 'Financial Crises in Asia and Development Issues'. Cambridge Review of International Affairs. Spring 1998. Vol. 11. No. 2. – P. 9–10, 12; Edward V. Graham, 'Korea and the IMF'. Cambridge Review of International Affairs. Spring 1998. Vol. 11. No. 2. – P. 31–33.

¹⁰ На совещании Credit Suisse / First Boston, проходившем в Гонг-Конге в марте 1998 года, известный экономист Пол Кругман заметил, что «любой, кто заявляет о том, что полностью понимает причины экономической катастрофы, произошедшей в Азию, доказывает своей убежденностью, что не знает, о чем говорит. Правда заключается в том, что мы никогда не видели ничего подобного.» Прочитровано по Cambridge Review of International Affairs. Spring 1998. Vol. 11. No. 2. – P. 2.

События, как по цепочке происходившие в странах Азии, коренным образом отличались от вызванного внутренними причинами кризиса мексиканского песо в 1994–1995 гг. и представляли собой стремительно развивающийся кризис, с огромной скоростью охватывающий новые территории сначала внутри региона, а потом и вне его¹⁰. Международные инвесторы целых пять лет потратили на то, чтобы понять Россию и ее отличительные особенности, и рассматривали Центральную Азию и Кавказ сквозь призму этой страны. Поскольку кризис заставил инвесторов по-новому взглянуть на свои активы на развивающихся рынках, под угрозой оказался и рубль. Ведь его курс зависел от настроений инвесторов, которыми, как это было и во время предыдущих кризисов, поочередно руководили жадность, страх, паника и, наконец, чувство самосохранения, заставлявшее их вывести свои активы. Если бы финансовый кризис, например, в виде девальвации национальной валюты, затронул бы Россию, то инвесторы немедленно потеряли бы всякий интерес к странам Центральной Азии, что означало бы прекращение всяких операций нашего банка. Именно это и случилось после августа 1998 года.

Многие западные эксперты, занимающиеся Россией, не имеют понятия ни о формальных и институциональных, ни об экономических и финансовых механизмах, позволяющих распространяться финансовым кризисам. К сожалению, многие такие эксперты получили образование как экономисты и политологи еще в те годы, когда существовал Советский Союз. А это значит, что они не обладают теми знаниями по финансам, которые позволили бы им более глубоко проанализировать ситуацию. И, что еще более важно, они игнорируют серьезнейший фактор – настроение инвесторов. Вместо того, чтобы признать решающее значение всемирного финансового кризиса для объяснения российского кризиса августа 1998 г., они видят причину

кризиса в ошибках, допущенных молодым премьер-министром и его кабинетом, и в неправильной экономической политике 1990-х гг., проводившейся при помощи и поддержке международных финансовых институтов, прежде всего, Международного Валютного Фонда. В результате не только возникает искаженное представление о премьер-министре, но и, что более существенно, происходит недооценка степени интеграции России в мировую экономику и, следовательно, степени воздействия на то, что произошло в стране, восточно-азиатского кризиса.

**Правительство
Кириенко**

Восприятие правительства Кириенко в России и за рубежом оказалось важным фактором, способствовавшим усугублению финансового кризиса августа 1998 года. Российские средства массовой информации с самого начала говорили о неопытности и некомпетентности 35-летнего премьера и его правительства, а зарубежные СМИ позаимствовали эти клише у своих российских коллег. Таким образом, инвесторы-нерезиденты, финансировавшие покрытие государственного долга России, пришли к ошибочному, но вполне логичному заключению, что правительство не сможет разрешить серьезные экономические проблемы страны.

Как и назначение пару лет спустя на эту должность Владимира Путина, назначение Кириенко премьер-министром было весьма неожиданным. Однако Кириенко с самого начала продемонстрировал уверенность и профессионализм, что проявилось уже в его первом выступлении перед Думой, когда он сообщил депутатам и всей стране, что если немедленно не провести кардинальные реформы, последствия будут разрушительными.

Российские средства массовой информации уделили очень мало внимания глубокому анализу, который Кириенко дал экономической, финансовой и социальной ситуации в России, не оценили по достоинству его способность быстро достичь согласия с Думой, его умение донести до людей суть политического курса, а, позднее, то, насколько эффективно его правительство справлялось с очень сложными проблемами.

Правительство Кириенко начало реализовывать те программы, осуществления которых на протяжении предыдущих пяти лет финансовые рынки ждали от Черномырдина. Кириенко убедил президента Ельцина потребовать от Газпрома уплаты всех просроченных налоговых платежей. Газпрому, в свою очередь, пошли навстречу и позволили прекращать поставку газа компаниям-должникам. Это было самой серьезной попыткой увеличить налоговые сборы, когда-либо предпринятой в посткоммунистической России, и в то же время это было попыткой разорвать порочный круг задолженностей и бартерных расчетов, душивший экономику с начала 1990-х гг. Ни российские СМИ, ни западные СМИ, ни западные наблюдатели, ни, тем бо-

лее, финансовые рынки практически не заметили этого. Кириенко добился успехов и в других областях. От своих предшественников он унаследовал проблему шахтерских забастовок, парализовавших транспортную систему страны, но сумел быстро разрешить ее и обеспечить возобновление движения поездов.

И хотя критика Кириенко за то, что ему не хватало более серьезной поддержки и опоры в обществе вполне обоснованна, премьер-министр обладал полной поддержкой Президента. Он смог также убедить Государственную Думу принять отдельные важные части налогового кодекса – первый шаг к тому, чтобы сделать основным источником налоговых поступлений в бюджет не корпоративное налогообложение, а индивидуальный подоходный налог.

Стоит также заметить, что в 1997 г. впервые со времени распада Советского Союза, и, вероятно, даже с конца 1980-х был отмечен рост российского ВВП. Увеличение ВВП на 0,4%, а промышленного производства – на 1,9% кажется весьма скромным, но свидетельствует о глубоких изменениях после 10 лет постоянного падения показателей ВВП, вероятно, беспрецедентного в истории мирного времени в XX веке. Рост продолжился и в первой четверти 1998 года.

Даже после успехов, достаточно быстро достигнутых в очень сложной внутривнутриполитической и экономической ситуации, Кириенко все еще считали «неопытным», и его политические позиции продолжали ослабевать. В результате столь значительный прогресс не был понят широкими массами и оказался недостаточным: как это часто бывает во время кризиса, рынки требовали «мгновенного вознаграждения», а обеспечить это медленно протекающие политические процессы обычно не в состоянии¹¹.

Финансовое сообщество прекрасно знает о глобальном масштабе финансового кризиса 1997–1998 гг. Однако многие (как западные, так и российские) наблюдатели в России, как уже отмечалось, существенно недооценили важность азиатского кризиса для адекватного понимания причин российской девальвации и дефолта. Утверждая, что августовский крах 1998 г. доказал «неудачу» России, такие аналитики выявляют типичные дефекты российского пост-коммунистического развития, отмечают лежащие в области экономической и налоговой политики причины кризиса, указывают на большой государственный долг.

Такой подход чрезвычайно упрощает сложное переплетение событий, предшествовавших финансовому кризису. По-видимому, эти аналитики не знают теории и практики современных финансов, системы работы финансовых рынков и не понимают решающего значения настроения инвесторов. В 1990-х гг. все это сыграло ключевую роль в экономическом развитии России, а в 1998 году привело к падению рубля. В оценках в значительной степени или полностью отсутствуют

¹¹ Более подробный анализ этого и других примеров можно найти в работах: Ian Pryde. *Russia 1998: Annual Report on Government, Economy, the Business Environment, Capital Markets and Industry, with forecasts through end-2000.* – London: Business Monitor International Ltd. – July 1998. *Passim.*

Что случилось в действительности

такие ключевые понятия, как ликвидность, статистическая корреляция (положительная и отрицательная), волатильность и «эффект домино», «эффект распространения кризиса»¹².

В действительности же, именно глобальный кризис ликвидности привел к тому, что инвесторы стали выводить свои активы с развивающихся рынков и возвращать их в промышленно развитые страны. Деньги передвигались по миру со скоростью света, чтобы оплачивать те пассивы, которые возникали из-за повышения неустойчивости финансовой системы и связанной ликвидности. Капитал изымали из России, чтобы оплатить margin calls (требования внести дополнительные средства вследствие неблагоприятных ценовых изменений) в Бразилии и Южной Корее задолго до августа 1998 года. Без ликвидности финансовые рынки просто не работают.

Интегрированная природа современных финансовых рынков означала, что азиатская «болезнь» затронет и развитые страны. Японская йена испытала на себе давление за несколько месяцев до девальвации рубля, тогда же оказались затронуты и Уолл Стрит и европейские фондовые биржи. Показательно, что, несмотря на незначительное место России в мировой экономике, девальвация и дефолт России привели к глобальной финансовой встряске.

Наблюдатели, утверждающие, что дефолт в августе 1998 г. свидетельствует о крахе российских реформ, ошибаются. Если критерием успеха какой-либо страны считать ее способность избежать потрясений на финансовых рынках, девальвации или дефолта, тогда, начиная с 1980 года, все страны Большой Семерки, как и большинство других западных государств и стран Третьего мира, также потерпели неудачу, притом не однажды. К тому времени, как в 1997 году произошло падение воны, Южная Корея «уже более тридцати лет была одной из наиболее успешных в экономическом отношении стран мира»¹³. Если август 1998 года «доказал», что Россия проиграла, тогда нужно признать, что к числу неудачников относятся Великобритания и Франция, Италия, Испания и Португалия. Их валюты рухнули в 1992–1993 гг. под сильным спекулятивным давлением. В 1992 году Банк Англии потратил около 14 миллиардов долларов на оказание поддержки фунту стерлингов, и, тем не менее, был вынужден пойти на девальвацию. Тогда же Центральный Банк Франции использовал для этого все свои зарубежные резервы. Только за один день 30 июля 1993 года Бундесбанк продал почти 30 млрд долларов, чтобы поддержать французский франк

Продолжение интервенций центрального банка вопреки настроениям рынка является крайне рискованной стратегией, при этом не гарантирующей успеха. К концу июля 1998 г. золотовалютные запасы России уже снизились до 13 млрд долларов, но даже после дотационного вливания со стороны МВФ в конце июля 1998 г., ЦБ все равно был вынужден тратить около 1 млрд долларов в неделю на поддержку рубля. Таким образом, Россия во многом повторила корейский опыт

¹² Lieven. *Chechnya; Anders Aslund. «Russia's Collapse». Foreign Affairs. – Sept/Oct 1999; Jacques Sapir. «Russia's Crash of August 1998: Diagnosis and Prescription». Post-Soviet Affairs. Vol. 15. No. 1, January–March 1999; Stephen E. Cohen. *Russian Studies Without Russia. Post-Soviet Affairs. Vol. 15, No. 1, January–March 1999; Archie Brown. The Russian Crisis: Beginning of the End or End of the Beginning? Post-Soviet Affairs. Vol. 15. No. 1, January–March 1999. См. также: Sapir. Rossiiskii Krakh. Passim. Мой собственный анализ политической, экономической и финансовой ситуации в России, опубликованный в июле 1998 в Russia 1998, в большой степени повторяется в работе Thierry Malleret, Natalia Orlova and Vladimir Romanov. What Loaded adn Triggered the Russian Crisis? Post-Soviet Affairs. Vol. 15. No. 2, April–June 1999, где подробно описываются внешние и внутренние факторы кризиса.**

¹³ Edward M. Graham. *Korea and the IMF. Cambridge Review of International Affairs. Spring 1998. Vol. 11. No. 2. – P. 32.*

конца 1997 г., где ситуация резко ухудшилась после подписания соглашения с МВФ о предоставлении помощи стране¹⁴. Опасность того, что необходимо будет и дальше поддерживать рубль и, использовав все резервы, все равно придется его девальвировать, была просто-напросто слишком велика.

Другими словами, всего через шесть лет после введения рыночных механизмов Россия оказалась в условиях крупнейшего всемирного финансового кризиса, начавшегося далеко за ее пределами (в финансовом, если не в географическом смысле) и абсолютно неподконтрольного ей. Неудивительно, что находившиеся в зачаточном состоянии финансовые институты страны не смогли противостоять этому удару. Однако роль и значение этих внешних факторов не упоминается в докладах ряда аналитиков, занимающихся Россией. Не учитывают и то, что на Россию и сейчас продолжают влиять внешние факторы. Уже после августа 1998 негативное воздействие на российский рынок облигаций оказал аргентинский финансовый кризис весны 2001 года. Кроме того, российская фондовая биржа очень сильно зависела и зависит от колебаний индекса NASDAQ¹⁵.

Парадоксально, но финансовый кризис 1998 г. показал, что Россия действительно успешно интегрировалась в глобальную финансовую систему, открыв свои рынки, как того требовали господствовавшие тогда экономические принципы. Не будь это так, в РФ никогда бы не пришли портфельные инвестиции, изъятие которых и привело к краху. Решение открыть свои рынки для мирового капитала было очень смелым, может быть, даже безрассудным поступком. Огромные суммы перемещаются посредством портфельных инвестиций, а краткосрочные банковские займы ставят любую экономически слабую страну в зависимость от настроения инвесторов. Россия стала зависеть от притока капитала для финансирования своего государственного долга. Если не существует ограничений на вывоз капитала, любое ухудшение имиджа страны, оправданное или нет, может привести к незамедлительному изъятию капитала из страны или спекулятивным атакам с целью вызвать девальвацию – или и к тому и к другому.

С другой стороны, если бы Россия не открыла свой рынок, она, несомненно, стала бы объектом еще более яростной критики, ее бы обвинили в нежелании отказаться от наследия своего коммунистического прошлого. Таким образом, в начале 1990-х гг. Россия находилась в безвыходном положении. Учитывая в высшей степени предвзятое мнение о России у многих тех, кто на Западе и, прежде всего, в США, определяет политику, а также у западных наблюдателей и исследователей, какой бы вариант она ни выбрала, ее все равно бы осудили за этот выбор¹⁶.

Не будь азиатского кризиса, вероятно, в 1998 и 1999 гг. в России и начался бы, наконец, экономический рост. Следовательно, может показаться, что критики России, обвинившие представителей финансовых рынков и инвестиционных банков в непонимании того, что на

¹⁴ Edward M. Graham. *Korea and the IMF. Cambridge Review of International Affairs. Spring 1998. Vol. 11. No. 2. – P. 33.* Автор отмечает, что «неустойчивость уровня цен в Корее существенно возросла после того, как объявили об оказании помощи МВФ».

¹⁵ *Financial Times. April 25. 2001.*

¹⁶ *Работа Ashund. Russia's Collapse. Foreign Affairs, Sept/Oct 1999, например, не упоминает об азиатском кризисе, и без достаточных на то оснований начинает анализ с начала 1990-х гг., как если бы распад Советского Союза значил, что дальнейшее экономическое развитие России являлось tabula rasa, что, как мы видели, определено не соответствовало действительности.*

Стивен Холмс (Stephen Holmes) в работе «Transitology: A Review of "Failed Crusade: America and the Tragedy of Post-Communist Russia" by Stephen Cohen». *London Review of Books. 19 April 2001* также не упоминает об азиатском кризисе.

самом деле происходит в России, были правы. Действительно, докризисные исследовательские работы многих инвестиционных банков, были написаны в Лондоне или Нью-Йорке аналитиками, которым недоставало подробной информации по стране, и высказываемые ими мнения они заимствовали у внешних источников, таких, как западная пресса, «Рейтер» и отдел исследований «Экономиста».

Тем не менее, подобного рода критика попадает мимо цели. Ведь инвестиционные банки приходят на развивающиеся рынки ради получения денег, а не для того, чтобы играть роль агентств по развитию или строить демократию. Инвесторы хотят выгодно свои активы и всегда ищут «следующую удачную возможность», следующую инвестиционную идею, которая принесет высокую доходность, т. е. сверхприбыль. Зарубежные портфельные инвесторы в России всегда следовали старой максиме: покупай дешево, продавай дорого. Именно этим они занимались в удачные годы развития российского фондового рынка, вкладывая в растущий рынок.

Следовательно, финансовый коллапс «доказывает», что инвесторы не поняли Россию, но не в том смысле, какой вкладывают в это слово специалисты по России. Большинство наблюдателей серьезно недооценили стремление российских властей не допустить девальвации рубля, поскольку это разом уничтожило бы доверие к Президенту Ельцину, ликвидировало бы все макроэкономические выгоды, с таким трудом достигнутые в предшествующие годы, и породило бы инфляцию. Вдобавок ко всему, это вызвало бы глубокие политические потрясения и положило бы конец всем попыткам реформирования в ближайшем будущем. Таким образом, для российского правительства девальвация была не лучшей из возможных альтернатив, а средством, к которому прибегают для спасения страны, когда все остальные возможности уже исчерпаны¹⁷. Именно это и случилось.

Трагедия России 1990-х гг., а особенно августа 1998 года, заключалась в том, что наилучшая возможность проведения демократических и экономических реформ была упущена. Как раз в тот момент, когда экономика начала выкарабкиваться из трудностей, разразился финансовый кризис, вызванный в значительной степени внешними событиями. И, следовательно, взваливать всю вину (или большую ее часть) на ошибки российских властей могут только те, кто абсолютно не понимает, что же действительно произошло в России в 1990-е гг. При крайне негативном инвестиционном климате в то время сомнительно, что Россия смогла бы выжить, даже если она и провела бы успешные экономические и демократические реформы. Как мы уже увидели, такого давления не выдержали и намного более сильные в экономическом отношении страны.

Институты и их восприятие

В эпоху президентства Ельцина для того, чтобы подчеркнуть, насколько велика была доля коммунистов и «националистов» в рос-

¹⁷ Ian Pryde. *Russia 1998: Annual Report on Government, Economy, the Business Environment, Capital Markets and Industry, with forecasts through end-2000.* – London: Business Monitor International Ltd., July 1998. – P. 72–74.

сийском парламенте, агентство Рейтер и другие СМИ часто использовали выражения «Дума, контролируемая оппозицией» и «Дума, контролируемая коммунистами». Один американский обозреватель даже утверждал, что Президент Путин вовсе не разрушил демократию, поскольку ее не было в России до прихода Путина к власти, и добавлял, что Дума переметнулась от «беспомощной оппозиции при Ельцине к оппортунистическому подбострастию при Путине...»¹⁸ Эти утверждения не основаны на фактах. В начале 1998 года Дума приняла самый трудный за последние годы бюджет, вслед за чем согласилась с большей частью предложенных правительством законопроектов, направленных на экономию средств¹⁹:

«Со времени выборов 17 декабря 1995 года Дума часто голосовала за предложения правительства, хотя вначале громко и непримиримо заявляла о своем несогласии с ними. Это был своего рода компромисс, при котором правительство делало уступки по определенным вопросам, чтобы провести важнейшие законопроекты. Таким образом, в то время как Дума с идеологической точки зрения находилась в оппозиции Ельцину и правительству, коммунисты и либерал-демократы Жириновского часто поддерживали внесенные исполнительной властью законопроекты»²⁰. И в этом вопросе многие аналитики не смогли отличить простую демагогию от голосования в парламенте. Дума голосовала за внесенные правительством бюджеты после той же критики властей, череды проволочек, компромиссов и закулисных договоренностей, которые можно наблюдать в американском Конгрессе и в законодательных органах других западных государств.

В апреле и июле 1998 г. Дума также приняла в двух чтениях вызывающий множество споров новый налоговый кодекс, а в июле 1998 г. одобрила 14 из 24 правительственных законопроектов, необходимых для получения дополнительной помощи от МВФ, что для парламента, где якобы господствуют коммунистическая и националистическая оппозиция, чрезвычайно много. Многие западные руководители были бы рады иметь дело с таким парламентом. Конечно, надо полагать, что Дума была такой сговорчивой в силу того, что ее отказ от принятия этих законов мог привести к роспуску президентом парламента и назначению новых выборов²¹. Однако способность парламентариев выжимать из правительства уступки свидетельствует о том, что ярлык «беспольная оппозиция» не соответствует действительности.

Но в российской политической системе ведущую роль играет глава государства, потому в рамках данной работы нельзя, хотя бы коротко, не остановиться на деятельности президента Путина этом посту.

В июле 1998 г., за семнадцать месяцев до того, как Путин стал президентом, я писал:

«Инвесторы, однако, должны осторожно относиться к написанным в последнее время аналитическим работам, где рассматриваются

¹⁸ Stephen Holmes. *Transitology: A Review of «Failed Crusade: American and the Tragedy of Post-Communist Russia»*. London Review of Books. 19 April 2001.

¹⁹ Pryde. *Russia 1998*. – P. 11.

²⁰ Pryde. *Russia 1998*. – P. 31.

²¹ Pryde. *Russia 1998*. – P. 56.

отношения между федеральным центром и регионами. Сегодня многие аналитики справедливо отмечают значительную степень автономии субъектов Федерации, но при этом не принимается во внимание, что эта ситуация возникла в силу устранения сверх-централизации, присущей Советскому Союзу, а также из-за сегодняшней – временной – общей слабости российского государства и плачевного состояния экономики. Восстановление экономики и постепенное повышение эффективности работы государственного аппарата в ближайшие годы вполне может привести к тому, что Кремль вернет себе утраченные позиции, следствием чего станет исполнение регионами федеральных законов и постановлений правительства... Это неизбежно повлечет за собой снижение уровня относительной политической и экономической свободы, которой на сегодняшний день обладают субъекты РФ. Для инвесторов это будет означать, с одной стороны, уменьшение возможностей договариваться с региональными властями, а, с другой, создание более стабильной и предсказуемой среды на всей территории страны»²².

²² Pryde.
Russia 1998: Annual Report. – P. 172.

Следовательно, восстановление государственности России и консолидация власти в Москве должны были стать приоритетными задачами для любого избранного на этот пост президента, поскольку, в обратном случае, существовала опасность того, что страна станет неуправляемой. При Ельцине маятник уже качнулся в противоположную сторону, и в этом сыграли свою роль и Путин, и такие реформаторы, как Анатолий Чубайс. Говорить, что поворот к сильному государству связан исключительно тем, что Путин – выходец из спецслужб, было бы серьезной ошибкой. На самом деле, этот процесс был закономерным: как я и предсказывал, восстановление экономики, ставшее возможным благодаря девальвации и высоким ценам на энергоресурсы, привело к усилению власти центра над регионами²³.

²³ Возможно, лучшим примером того, что Москва вернула утраченную власть над регионам, можно считать ситуацию в Республике Татарстан, которая в начале 1990-х гг. под президентством Минтимера Шаймиева получила наивысшую степень автономии по сравнению с остальными субъектами Федерации. Сегодня Москва контролирует финансы республики значительно лучше, чем это было в 90-е.

При Ельцине Запад всю критикувал грабительский капитализм олигархов и бывшей номенклатуры. Но, когда при Путине власти начали расследовать обстоятельства, при которых возникли их фантастические состояния, и инициировали уголовные дела по обвинению в неуплате налогов, на Западе это было воспринято как возвращение к методам КГБ. Похоже, Россия не может рассчитывать на непредвзятую оценку своей политики западными СМИ и экспертами.

Таким образом, при Путине продолжается далеко не однозначный процесс развития России. При этом ничто из сказанного выше не означает, что при оценке происходящего в России можно игнорировать прошлое Путина, которое, несомненно, оказывает огромное влияние на его мировоззрение. Однако слишком просто было бы объяснить большинство действий президента ссылкой на его опыт работы в органах и желание воссоздать Советский Союз. Такой подход не учитывает более широкого контекста: не только советского наследия и недавнего прошлого страны, но и ее сегодняшних проблем.

В начале 90-х годов Россия была преемником страны, переживавшей системный кризис. Подданные Российской Империи, а затем граждане Советского Союза, фактически, с 1914 года были в значительной степени отрезаны от общения с Западом, в том числе и со странами Центральной Европы, и, следовательно, ограждены от влияния западного менталитета. Поэтому ожидания Запада, что они в одночасье превратятся из *homo sovieticus* в *homo economicus*, были явно нереалистичны.

Если рассматривать Россию на фоне сталинизма и ее советского наследия и в сопоставлении с трудностями самих западных стран на пути политического и экономического развития, то она в 90-х, в сущности, показала достаточно высокие результаты. И, если бы не азиатский кризис 1997–1999 гг, то Россия, вероятно, могла бы благополучно следовать по этому пути.

Многим достижениям страны еще предстоит получить должную оценку. За эти годы, по крайней мере, появилась видимость демократии. Может быть, Дума и не всегда ведет себя соответственно ожиданиям российских и западных наблюдателей, но она была избрана демократическим путем. Избрание Путина на пост Президента тоже не всем пришлось по вкусу и в России и за рубежом, но, опять-таки, оно было демократическим. Более того, сам факт бескровной смены власти посредством выборов – беспрецедентное событие в истории России. Последние 4 года были для российских граждан самым светлым периодом за всю постсоветскую историю.

Те, кто утверждает, что миллиарды долларов экономической помощи России были использованы нерационально, редко задаются вопросом – а не была ли ситуация в России до получения помощи еще хуже? Конечно, помощь, предоставленная для осуществления немедленного перехода к демократии и рыночной экономике, не достигла своей цели. Более эффективной оказалась помощь, направленная на макроэкономическую стабилизацию, развитие мелкого и среднего бизнеса и активизацию деятельности неправительственных организаций. Успех вообще никогда нельзя гарантировать. Если Запад, и в частности Соединенные Штаты, хочет вовлечь Россию в круг своей экономической и политической жизни, он должен быть готов к тому, что путь к этому будет долгим, и ни в коем случае не должен сдаваться при первой же неудаче.